
Когда метель на помеле
Сбегаёт из борделя,
Как хорошо сидеть в тепле
За рюмочкой Мартеля!
Играет музычка – хорал,
Пылит снежком дорога.
Никто ещё не умирал
И не умрёт до гроба.
Есть только вечный звук и свет,
Земля береговая,
А смерти нет,
а смерти нет,
А смерти не бывает...

Едва закончилась война –
И новая у двери,
И не скупятся времена,
А всем – по высшей мере.
Бутылка на столе пуста
И нас вокруг немного.
Метёт, метёт во все места,
Во всё именьё Бога.
Глагол времён,
металла звон,
Забывшие друг друга...
Играет музычка сквозь сон –
Прелюдия и фуга.

Год за годом – скука и рутина,
И пустых мечтаний разнобой.
Помните, когда-то не хватило
Нас на то, чтоб сделаться собой?

Честные работники забвенья,
Мыслящая травка на ветру...
Страх и бедность, опыт и сомненья
Горький след оставили во рту.

Но бывает чудо между нами:
Нищий путник, двоешник хмельной
Говорит с былыми временами,
Как с ребёнком, спящим за стеной.

Странный дар не тешит и не лечит,
Только шлёт неуловимый звон
В каменную тьму тысячелетий,
В чёрную прогалину времен.

И дремучий человек пещерный
Голову закидывает вдруг,
Будто слышит небосвод вечерний,
Медленно вращающийся круг.

Мы не успеем рассказать,
В чем обречённой жизни суть:
Остынет яростный закат,
И нам дадут передохнуть.

За равнодушный будний крест,
Жару и прочие труды
Из тихих и далеких мест
Нисходит вечер на сады.

Но не таится тишина,
И одинокий звук острей.
Обуйся и проверь, жена,
Кто постучался у дверей:

Три гостя, знающих точь-в-точь
В невежественной суете,
О чем, когда настанет ночь,
Шумят деревья в темноте.

Мы связаны ночным судом
В неисчислимых временах.
Три гостя обступили дом,
Как на моих похоронах:

Земля, вода и небосвод –
Слова, с которыми я жил.
Я жил. Благослови, Господь,
Бессмысленную трату сил.

Вирсавия

Завтра он вернётся с поля брани,
Как всегда, суров и деловит,
Ничего не ведая о ране,
Что тайком нанёс ему Давид.

Будто цепью, связанная ложью,
Путаюсь и толком не пойму:
В жаркой тьме кого я жду на ложе,
Кто мой господин и где мой муж?

Двум героям, мальчикам, мужчинам
Я утеха, верная жена.
Я кажусь себе пустым кувшином,
Ждущим, кто нальёт в него вина.

Я – земля, цветущая, сырая,
Что лежит под небом без стыда,
И во мне томятся, созревая,
Соки долгожданного плода.

И пускай прознает муж ревнивый
Тайну о сопернике-царе, –
Он воюет за чужую ниву,
Но не пашет на своём дворе.

А когда придёт он из похода,
Встану перед ним, едва дыша:
«Полюбуйся, храбрый воевода,
Как твоя добыча хороша!»

Джанна

Вроде все мы вылеплены Богом
Из того же глиняного теста,
Но встречает праведных за гробом
Джанна – зачарованное место.

Там, как молчаливые машины,
Винтики отлаженного чуда,
Носят слуги полные кувшины,
Расставляют золотые блюда.

Там Аллах, от детской крови бурый,
Истина, надежда и награда,
Ровным строем посылает гурий
Беззаветным воинам джихада.

Мальчик из разрушенного дома,
Хочешь оказаться в самом деле
Далеко от пламени и грома,
В этом нескончаемом борделе?

Будь мужчиной, отомсти неверным,
Кровью утоли свою обиду –
Купишь вечность подвигом мгновенным,
Смертью, подобающей шахиду.

И когда ты станешь чёрной пылью,
Превратишься в огненную точку,
Ангелы к тебе протянут крылья,
Соберут и слепят по кусочку...

Тристан

...А когда на поиски дальних стран
Поспешешь от родины мимолётной,
Дорогие гости твои придут,

Над собой поднимут тебя, Тристан,
Принесут на берег с последней лодкой
И лишь арфу в руки тебе дадут.

...Спал в ладье, проснулся на берегу:
Фонари, неон и асфальт нагретый,
И печальных сказок в помине нет.

В декольте по самое не могу
Озорная девушка с сигаретой
Переходит город на красный свет.

Каково тебе на земле богов,
В эту явь заброшенному из долгой,
Кружевной истории о страстях?

Нет ни слуг, ни стражников, ни врагов,
Ты теперь один со своей Изольдой.
Можно плыть, о вечности не грустя.

Будут сниться шествие и турнир
И скакать олени по коридорам
В неудобном здании городском.

А в окне, распахнутом в новый мир,
Неизменно будет кружить над морем
Золотая ласточка с волоском.